

Г. Б. Морозов
Г. Ф. Нурғалиева
Екатеринбург, Россия

G. B. Morozov
G. F. Nurgaliyeva
Ekaterinburg, Russia

**ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКАЯ НЕЧЕТКОСТЬ
АНТИКОРРУПЦИОННОГО
ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИИ
КАК ФАКТОР УСИЛЕНИЯ
КОРРУМПТИРОВАННОСТИ ОБЩЕСТВА**

**DEFECTS OF INTERPRETATION
OF TERMS ANTI-CORRUPTION
LEGISLATION OF RUSSIA
AS FACTOR OF STRENGTHENING
OF ITS CORRUPTION**

Аннотация. Анализируется юридическое и лингвистическое толкование ряда терминов и понятий, используемых в федеральном законе «О противодействии коррупции» и нормах смежного законодательства. Приводятся доказательства того, что ненадлежащее правовое толкование отдельных юридически значимых терминов усугубляет коррупцию в России при применении антикоррупционного законодательства.

Abstract. Legal and linguistic interpretation of a number of terms and the concepts used in the Federal law "About corruption counteraction" and standards of the adjacent legislation is analyzed. Proofs of are provided that inadequate legal interpretation of separate legally significant terms creates even more negative effects of action of the anti-corruption legislation of Russia.

Ключевые слова: противодействие коррупции; нормы-дефиниции; служебное положение; должностные полномочия; злоупотребления.

Key words: counteraction of corruption; norm definition; official position; powers of office; abuses.

Сведения об авторе: Морозов Геннадий Борисович, кандидат экономических наук, доцент, кафедра экономики и финансов, экономический факультет.

About the author: Morozov Gennady Borisovich, Candidate of Economics, Associate Professor, the Chair of Economics and Finance, Economics Faculty.

Место работы: Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург).

Place of employment: Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg).

Контактная информация: 620075, г. Екатеринбург, ул. К. Либкнехта, 9.
e-mail: mgb@inbox.ru.

Сведения об авторе: Нурғалиева Гульнара Финаровна, магистрант второго года обучения Института физики, технологии и экономики.

About the author: Nurgaliyeva Gulnara Finarovna, undergraduate of the second year of training of Institute of physics, technology and economy.

Место работы: Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург).

Place of employment: Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg).

Контактная информация: 620075, г. Екатеринбург, ул. К. Либкнехта, 9.
e-mail: nurgalieva.gulya@yandex.ru.

Коррупционность в системе общественных отношений — крайне популярная для обсуждения в научных, политических и общественных дискуссиях и наименее решаемая проблема российской действительности. Симптоматично, что в разделе III («Меры по повышению профессионального уровня юридических кадров и правовому просвещению») «Национального плана противодействия коррупции», утвержденного Президентом Российской Федерации 31 июля 2008 г. (Пр-1568), в подпункте «г» пункта 1 провозглашается: *Для повышения профессионального уровня юридических кадров требуется ... усиление антикоррупционной составляющей при преподавании учебных дисциплин* [Указ Президента РФ от 13.03.2012]. Однако анализ экономико-правовых характеристик антикоррупционного законодательства России, к сожалению, не оставляет никаких иллюзий: в его «сетях»

можно выявить множество «дыр», через которые коррупционеры легко уходят от юридической ответственности за свои деяния. Этим лазеек достаточно много. Мы в своем изложении остановимся на используемых в законах и подзаконных актах, обозначаемых в правовой науке понятием «нормативные правовые акты» (далее — НПА), дефинициях ряда терминов, лежащих в основе названного законодательства.

Современное российское законодательство в целом нуждается в изменениях, связанных с уточнением толкования многих его норм. Во-первых, следует уточнить в большинстве НПА многие нормы-дефиниции, описывающие на юридическом языке сущность определенных общественных явлений, фактов и состояний реальной жизни. Во-вторых, нужно создавать новые нормы-дефиниции для более точного правового обозначения тех сторон общественных от-

ношений, из-за которых зачастую не эффективна работа судов при вынесении ими решений по рассматриваемым делам. В-третьих, в ряде норм необходимо устранить стилистические и смысловые «неряшливости», затрудняющие соблюдение и исполнение таких норм субъектами публичного и частного права и создающие серьезные проблемы для правоохранительных органов при доказательстве вины участников антисоциальных действий.

Как известно, дефиниция (от лат. *definitio*) — краткое определение какого-либо понятия, отражающее существенные признаки предмета или явления. В НПА используются правовые дефиниции в виде норм-дефиниций, устанавливающих нормативное значение терминов, на которые опирается законодатель при создании «поведенческих» норм права. Чем точнее значение дефинитивных норм в нормативных правовых актах, тем эффективнее и правомернее соблюдаются и исполняются всеми субъектами права предписания законодательства, более справедливо и обоснованно выносятся судебные решения по спорам сторон правоотношений и конкретным правонарушениям.

Известно также, что для понятий и терминов, не получивших в НПА нормативного юридического толкования, нормативными признаются их значения, приведенные в толковых словарях издательства «Русский язык», разработанных научными учреждениями языковедческого профиля Российской академии наук.

Однако для многих терминов в таких словарях отсутствует однозначное смысловое толкование, потому что данные единицы являются омонимами или полисемантами, т. е. способны обозначать разные предметы или явления. Когда такой термин используют в правовой сфере, неоднозначное его толкование применительно к осуществлению субъектами права действий в рамках норм права, где такой термин использован, порождает правовые коллизии, вызванные неустранимыми сомнениями в квалификации правовых действий субъектов, чьи поступки подпадают под юрисдикцию неконкретно толкуемых норм.

Профессиональный лингвист мог бы рекомендовать не преувеличивать роль многозначности терминов, поскольку в русском языке 90 % слов относятся к многозначным, но их значение довольно точно устанавливается за счет тематики, контекста и даже традиций, в том числе за счет юридической практики. В качестве возражения приведем правила, применяемые в юридической прак-

тике в случае неточного толкования терминов при использовании конкретных НПА.

В **гражданском праве** названные сомнения устраняются в соответствии с изложенными в ст. 6 Гражданского кодекса Российской Федерации (ГК РФ) принципами применения данного законодательства по аналогии (закона или права) [ГК РФ, 1]. В **отраслях публичного права** (уголовном и административном) эти принципы не действуют: все неустранимые сомнения в законодательстве толкуются в пользу лица, обвиняемого в совершении соответствующего правонарушения (обладателя презумпции невиновности).

Вот почему в правовом обороте не могут применяться так называемые доктринальные толкования (толкования специалистов в сфере права или лингвистики). Такие толкования, как правило, используют при разработке конкретных НПА, а также в текстах комментариев к принятым НПА. Однако те и другие официальными НПА не являются и потому применению не подлежат.

Начнем с основополагающего понятия **«коррупция»**. До принятия федерального закона «О противодействии коррупции» от 25 декабря 2008г. № 273-ФЗ (далее мы называем его просто «федеральный закон») [Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ] нормативного описания этого понятия не было, было лишь множество доктринальных толкований термина, не лишенных образной и эмоциональной окраски. В результате коррупционерами в обыденном (не правовом) смысле слова считали тех, кто получал от кого-либо деньги, вещи и услуги за оказание каких-то дефицитных услуг публичного характера. Это государственные и муниципальные служащие, армейские офицеры, сотрудники правоохранительных, налоговых, таможенных и контролирующих органов. К данной группе относятся учителя, врачи, педагоги вузов, руководители государственных и муниципальных учреждений образования, здравоохранения, социального обслуживания населения и другие субъекты.

Федеральный закон расставил в этом вопросе «точки над „и“»: в ст. 1 приводится **нормативное толкование термина «коррупция»**, а именно:

а) злоупотребление служебным положением, дача взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имуществен-

ного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами;

б) совершение деяний, указанных в подпункте „а“ настоящего пункта, от имени или в интересах юридического лица.

В принципе четкого толкования понятия «коррупция» так и не появилось. По сути, в приведенном определении бессистемно перечислены конкретные деяния имущественного характера без указания на то, кого всё же следует относить к коррупционерам. По каким признакам коррупцию выделять в самостоятельный криминальный институт, дефиниция ответа не дает, из-за чего трудно установить общие квалифицирующие признаки состава коррупционного деяния как правонарушения. Если попытаться это осуществить, то вместо традиционного в юридической науке определения состава правонарушения, когда его квалификацию проводят с последовательным выявлением объекта, объективной стороны, субъекта и субъективной стороны, целесообразнее начать с выявления субъектов, т. е. прежде ответить на вопрос, кто теперь, согласно закону, считается коррупционером.

Субъекты коррупционных деяний.

В ст. 1 федерального закона данная норма — бланкетная (отсылочная), поэтому для установления субъектов конкретных деяний обратимся к соответствующим нормам Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ) [УКРФ].

1. Злоупотребление служебным положением. Схожее обозначение можно обнаружить в двух статьях УК РФ:

— в ст. 201 «Злоупотребление полномочиями» главы 23 «Преступления против интересов службы в коммерческих и иных организациях», касающейся *лица, выполняющего управленческие функции в коммерческой или иной организации, которое свои полномочия использует вопреки законным интересам этой организации;*

— ст. 285 «Злоупотребление должностными полномочиями» главы 30 «Преступления против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления», где в примечании 1 в качестве субъекта преступления указано *должностное лицо.*

Таким образом, налицо два специальных субъекта, относящихся к различным сферам деятельности: предпринимательской, законные интересы которой состоят в получении ее субъектом максимально возможной прибыли, и публичной (государственное или муниципальное управление, воинская служ-

ба и служба в органах правопорядка), в которой цель деятельности служб — установление единого правопорядка в стране, устранение ситуаций, когда одни субъекты права нарушают законные права и интересы других.

2. Дача взятки. В соответствии с правилами ст. 20 ч. 1 УК РФ, здесь фигурирует общий субъект преступления — *дееспособный гражданин, достигший 16-летнего возраста*, передавший должностному лицу взятку в виде денег, ценных бумаг, иного имущества или выгод имущественного характера за законные или незаконные действия или бездействие в свою пользу или в пользу третьих лиц. Диспозиция деяния описана в ст. 291 УК РФ («Дача взятки»).

3. Получение взятки. В соответствии с правилами ст. 290 УК РФ, здесь фигурирует специальный субъект преступления — должностное лицо. Оно, в соответствии с примечаниями к ст. 285 УК РФ, временно или по специальному полномочию осуществляет функции представителя власти либо выполняет организационно-распорядительные, административно-хозяйственные функции в государственных органах, органах местного самоуправления, государственных и муниципальных учреждениях, государственных корпорациях, а также в Вооруженных силах, других войсках и воинских формированиях.

4. Злоупотребление полномочиями — по сути, повтор ст. 201^[1] и 285 УК РФ. Сюда должны быть добавлены субъекты ст. 202 («Злоупотребление полномочиями частными нотариусами и аудиторами») того же документа. Субъекты здесь — как *должностные лица* (в соответствии с примечаниями к ст. 285 УК РФ), так и *лица, выполняющие управленческие функции в коммерческой или иной организации, а также частные нотариусы и аудиторы*, использующие свои полномочия вопреки задачам своей деятельности и в целях извлечения выгод и преимуществ для себя или других лиц либо нанесения вреда другим лицам.

5. Коммерческий подкуп. В соответствии со ст. 204 УК РФ, субъект этого деяния — *лицо, выполняющее управленческие функции в коммерческой или иной организации*, которому незаконно переданы деньги, ценные бумаги, иное имущество, а равно ему незаконно оказаны услуги имущественного характера за совершение действий (бездействие) *в интересах дающего в связи с занимаемым этим лицом служебным положением.*

Заметим, что законодатель упорно использует в этой дефинитивной норме о кор-

рупции и в последующих статьях закона термин «положение», относя его к трудовой функции конкретного лица. Поскольку в НПА нет дефиниции этого термина, обратимся к авторитетному, достаточно демократичному толковому словарю под редакцией С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой. В этом издании слово «положение» подается как многозначное, у него выделяется восемь значений (не считая употребления в составе фразеологизма), подчас весьма далеких друг от друга — от *местонахождения в пространстве до научного утверждения, сформулированной мысли*. Для целей анализа интересующего нас закона подходит пятая дефиниция, а именно: *Место, роль кого-нибудь в общественной жизни, в коллективе, в семье. Руководящее положение. Социальное положение* [Словарь Ожегова].

Конечно, для «чистоты эксперимента» можно было бы рассмотреть и значения слов «служба», «служебный», «служебное положение», используемые в обыденном речевом обороте как распространенные клише, и после установления их единого лингвистически обоснованного толкования применить данные термины для квалификации признаков коррупционных деяний в соответствии с нормами анализируемого федерального закона. Как упоминалось, при анализе гражданско-правовых отношений могут применяться аналогии закона или права для оценки существа конкретных сделок и иных юридически значимых действий физических и юридических лиц. Поэтому механизм лингвистического толкования терминов, не являющихся нормами-дефинициями гражданского права, вполне можно использовать для уточнения признаков соответствующего правоотношения.

Однако при квалификации признаков публично-правовых правонарушений (уголовных, административных, налоговых и таможенных) принцип правовых аналогий не применяется, в связи с чем точность толкования терминов соответствующих НПА приобретает архиважное значение, ведь неоднозначность толкования терминов или их излишне широкое абстрактно-логическое содержание без точного указания конкретных признаков совершенного деяния суды обязаны расценивать как неустранимые сомнения в системе доказательств вины обвиняемого и толковать эти сомнения в пользу обладателя презумпции невиновности, что на практике и происходит при попытках реализации федерального закона.

Выражения «служебное положение» нет ни в одном НПА. Так как в коммерческой организации любое лицо, в соответствии

с правилами ст.15 Трудового кодекса Российской Федерации (ТК РФ), исполняет «трудовую функцию», работая либо в должности, либо по специальности или профессии [ТК РФ], в соответствии с юридической логикой вместо «служебного положения» следовало бы говорить о «должностном» или «профессиональном положении» субъекта трудовых отношений. «Служебное положение» может быть лишь у субъектов отношений, регулируемых законами о государственной, муниципальной, воинской и т. п. службе, но не у субъектов, работающих по трудовому договору в коммерческих организациях. По сути, мы имеем дело с фактами дефинитивной «неряшливости» законодателя, из-за чего субъекта коммерческого подкупа нельзя квалифицировать как коррупционера.

6. Иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства.

Во-первых, здесь к коррупционерам можно отнести любого гражданина, обладающего должностным положением (выполняющего в соответствии со ст. 15 ТК РФ трудовую функцию в определенной должности). Если, в соответствии с правилами той же статьи, лицо выполняет функцию в виде профессии, специальности с указанием квалификации (например, учитель 1-й категории, врач высшей категории и т. п.) либо выполняет конкретный вид поручаемой работы, оно, по логике ст. 1 федерального закона, к субъектам коррупционных деяний отнесено быть не может.

Во-вторых, ни в одном НПА России нет дефинитивного толкования понятия **«законные интересы общества и государства»**. Более того, среди легитимных субъектов права в российской правовой системе нет места такому субъекту, как «общество».

Таким образом, на уровне нормативного толкования терминов «служебное положение» и «должностное положение» возникла «дефинитивная ловушка» для судебных инстанций. Для привлечения к публичной ответственности требуется наличие в соответствующих НПА четких толкований этих терминов. А раз их там нет, незаконное использование **физическим лицом своего должностного (аналогично служебного) положения** обнаружено быть не может, пока нет указания на то, в чем состоит сущность **законного** использования данного положения. Как уже отмечалось, аналогии, основанные на доктринальных толкованиях терминов или сущности юридически значимых фактов (этим сильно грешат известные правове-

ды — авторы комментариев к УК РФ), в публичном праве недопустимы. При этом ни в одном из федеральных законов не найти различий в толкованиях понятий «полномочия» и «положение» применительно к трудовым (по ТК РФ) и служебным (в соответствии с законами о государственной службе) отношениям.

Кто реально попал под «пресс» федерального закона? В ст. 6. «Меры по профилактике коррупции» эти меры относятся к гражданам, претендующим на замещение или замещающим государственные или муниципальные должности и должности государственной или муниципальной службы.

Значит, нельзя относить к коррупционным деяниям противоправные деяния субъектов, подпадающие под определение преступлений, совершаемых субъектами частного права, в соответствии со ст. 201, 203 и 204 УК РФ, хотя общественная опасность таких деяний для правопорядка весома. Эти правонарушения не связаны с деятельностью публичной власти страны, главная функция которой — защита прав всех субъектов по единым правилам. Если эта функция умышленно исполняется ненадлежащим образом, скрыто от окружающих, за недопустимое вознаграждение отдельного должностного лица, потерпевшим и прямо, и косвенно становится *неопределенное число субъектов частного и публичного права* (все субъекты права в стране).

Отметим, что под действие федерального закона не подпадают педагогические, медицинские работники, работники воспитательных учреждений всех уровней, деятельность которых, если верить современным СМИ, результатам многочисленных социологических опросов, статистике Верховного суда Российской Федерации^[2], относится к самым коррумпированным сферам жизни России. Здесь можно констатировать, что федеральный закон снял позорное клеймо с этой категории работников, выведя их из числа участников коррупционных деяний. В этом — огромная заслуга данного закона!^[1]

По итогам анализа норм федерального закона можно констатировать, что **российские коррупционеры, согласно закону, это 1) должностные лица и служащие федеральных, региональных и муниципальных органов исполнительной власти; 2) те, кто дает им взятки.** При этом почему-то **за рамками этого перечня потенциальных и реальных субъектов коррупционных деяний остались депутаты всех уровней представительной власти России.** Между тем вред, причиняемый от принятия законов и иных НПА

коррупционной направленности, общественным отношениям может оказаться куда большим, чем от совокупного действия всех крупных и мелких коррупционеров в исполнительных органах власти в масштабах страны и регионов. **Непонятно также, почему в этот перечень не попали судьи всех уровней судебной власти.**

Закономерен и такой вопрос: зачем нужен отдельный закон, если продолжают действовать нормы 30-й главы УК РФ? Не было никакой необходимости принимать закон такого содержания, тем более что в сфере противодействия коррупции он только вызвал лишнюю путаницу и сократил возможности привлечения к ответственности за правонарушения, достаточно понятно прописанные в действующем УК РФ.

Проанализируем юридическое толкование понятия **«злоупотребление служебным положением»** как неправомерного действия субъекта. Противоположное действие — «благое» или обычное «употребление служебного положения». Такая дихотомия предоставляет благоприятную почву для красочных рассуждений философу, социологу, психологу, педагогу и т. п., но только не правоведа.

Во-первых, как отмечалось, в НПА нет дефинитивного толкования терминов «служебное положение» и «должностное положение», поскольку дефиниции слова «положение» в толковых словарях демонстрируют многозначность этой лексемы. Потому оценивать криминальную сущность противоправно осуществляющегося отношения с опорой на лингвистические (словарные) характеристики используемого термина для привлечения субъекта к публично-правовой ответственности нельзя. В соответствии с нормами п. 3 ст. 14 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (УПК РФ) и п. 4 ст. 1.5 Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации (КоАП РФ) все неустраимые сомнения в виновности лица, в силу презумпции невиновности, толкуются в его пользу. У профессионального лингвиста — не специалиста в сфере права — может возникнуть вопрос: если в законе используется многозначное слово, пусть даже в составе словосочетания, поддающегося однозначному толкованию (в составе одной удобопонятной номинативной единицы, если вообще не фразеологического выражения), неужели это действительно может освободить преступника от ответственности? Не является ли это утверждение авторов статьи натянутым? Практика свидетельствует о том, что натянутым оно не является.

Во-вторых, неоднозначно и содержание правового толкования используемого в этой юридической формуле собственно термина «злоупотребление». В российской правовой системе косвенная дефиниция «злоупотребления правом» содержится в п. 1 ст. 10 ГК РФ: *Не допускаются осуществление гражданских прав исключительно с намерением причинить вред другому лицу, действия в обход закона с противоправной целью, а также иное заведомо недобросовестное осуществление гражданских прав (злоупотребление правом)*. Если содержание нормы переформулировать с учетом логических связей, под **злоупотреблением правом** можно понимать **действия граждан и юридических лиц, осуществляемые исключительно с намерениями** (прямым умыслом) **нанести вред** (причинить зло) **другим лицам**.

По сути толкования предполагается, что в результате данного действия виновным, использовавшим свое служебное положение, кому-то причинен имущественный или моральный вред. Но если коррупционные деяния причиняют, в соответствии с содержанием ст. 1 федерального закона, вред исключительно имущественный, то возникают следующие вопросы:

1) кому конкретно он причинен (кто потерпевший в результате деяния);

2) по каким методикам (таксам) вред рассчитать? Для этого следует применять нормы ст. 15, 16, 393 и главы 59 ГК РФ. Однако есть ли нормативные измерители вреда — формальные и реальные? Если нет, нельзя выносить судебные решения по делам, связанным с правонарушениями такого рода. А соответствующих методик и такс в правовой системе страны действительно нет.

При этом «злоупотребляющий» вред (зло) может причинить в результате 1) прямого умысла, 2) косвенного умысла, 3) легкомыслия, 4) небрежности. По общим юридическим правилам, три последних формы вины к коррупционным деяниям отношения не имеют. А прямой умысел в подобном коррупционном деянии доказать трудно без специально осуществляемых оперативно-разыскных мероприятий. Тем самым толкование в федеральном законе коррупционного деяния не имеет законченной юридической формулы и, следовательно, реально просто отсутствует.

Дача взятки. Получение взятки.

По логике, дача состоится тогда, когда взятка передана получателю. По ст. 290 взятка — получение должностным лицом лично или через посредника денег, ценных бумаг, иного имущества или выгод имущественного

характера за действия (бездействие) в пользу взяткодателя или представляемых им лиц, если такие действия (бездействие) входят в *служебные полномочия* должностного лица либо оно в силу *должностного положения* может способствовать таким действиям (бездействию), а равно за общее покровительство или попустительство по службе.

С диспозициями данных статей складывается анекдотичная ситуация. В примечании к ст. 290 указан лишь «крупный размер взятки» — сумма денег, стоимость ценных бумаг, иного имущества или выгод имущественного характера, превышающие 150 тыс. руб., за что ч. 4 данной статьи предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок от 7 до 12 лет со штрафом до 1 млн руб. Взятки меньшей суммы, видимо, следует считать мелкими.

Но если обратиться к диспозиции ст. 575 ГК РФ «Запрещение дарения», там найдем понятие «обычный подарок» и установленное лицо^[4], которому он может быть вручен на законном основании: *Не допускается дарение, за исключением обычных подарков, стоимость которых не превышает трех тысяч рублей ... лицам, замещающим государственные должности Российской Федерации, государственные должности субъектов Российской Федерации, муниципальные должности, государственным служащим, муниципальным служащим, служащим Банка России в связи с их должностным положением или в связи с исполнением ими служебных обязанностей*. Значит, в связи с должностным положением руководителю надо передавать подарок на 3 тыс. руб., заместителю — меньше, а подчиненным — еще меньше в соответствии с классным чином? С точки зрения получателя возможен и такой подход: сделаете подарок — выполню должностную обязанность.

Получается, отличия обычного подарка от взятки («необычного подарка») следующие. Подарок — вещь или имущественное право стоимостью менее 3 тыс. руб., всё, что выше, — взятка. «Необычный подарок» может стать обычным, если «обычные» подарки вручать много раз с временными разрывами, прилагая к ним дарственную, оформленную по правилам ст. 160 ГК РФ, с присовокуплением товарного чека на вышеприведенную сумму. Лучше указывать, что вручается «обычный подарок» в связи с *должностным положением* либо в связи с *исполнением служебных обязанностей* получателя. Нормативно число дарения обычных подарков одним лицом другому не установлено.

При этом в п. 2 ст. 575 ГК РФ есть оговорка, позволяющая служащим публичных

организаций эти действия осуществлять легитимно^[5]. Подарки стоимостью свыше 3 тыс. руб. признаются соответственно собственностью федеральной, субъекта Федерации или муниципальной и передаются служащим по акту в орган, в котором указанное лицо замещает должность. На этом основании можно один большой подарок «разбить» на множество «обычных» стоимостью до 3 тыс. руб. (естественно, документально) и либо вручить от имени нескольких дарителей, или от имени одного дарителя, но многократно.

В результате юридически грамотные субъекты публичных правоотношений, изучив данную юридическую конструкцию, просто сменяют способ неправового взяточничества на правомерный. И всё вернется на круги своя с неизменным содержанием, но с новой формой правового издевательства над смыслом борьбы с «ветряными мельницами» российской коррупции.

По итогам анализа содержания федерального закона в аспекте четкости дефиниций возникает вопрос: **надо ли обучать студентов и слушателей курсов и институтов переподготовки и повышения квалификации основам и «глубинам» борьбы с коррупцией, если учесть, что учащиеся могут впоследствии стать действующими и потенциальными взяточниками и взяточдателями?** При положительном ответе борьба с коррупцией через образование логично перетечет в борьбу за утверждение статуса коррупционеров «в законе» на всех уровнях общественных отношений. Потому авторам антикоррупционного законодательства нужно учитывать просчеты, допущенные при его создании, и оперативно вносить в него нужные исправления, причем заниматься этим следовало начать уже давно.

Один из авторов неоднократно об этом заявлял в ряде своих работ, провозглашающих необходимость учета точного толкования норм-дефиниций в российских НПА [Морозов 2004, 2011а, 2011б]. Однако дефиниционные пороки российского законодательства исправлениям не подвергаются. И это крайне печально с политической точки зрения — возникает парадокс, суть которого в свое время афористично сформулировал Н. М. Карамзин при ответе на вопрос о том, почему, несмотря на все катаклизмы, происходящие в России на протяжении ее истории, она «назло врагам и супостатам» выживает и возрождается: «Благодаря дурному исполнению дурных законов».

ПРИМЕЧАНИЯ

[1].Примечание 1 ст. 201 УК РФ: «Выполняющим управленческие функции в коммерческой или иной организации, а также в некоммерческой организации, не являющейся государственным органом, органом местного самоуправления, государственным или муниципальным учреждением, в статьях настоящей главы ... признается лицо, выполняющее функции единоличного исполнительного органа, члена совета директоров или иного коллегиального исполнительного органа, а также лицо, постоянно, временно либо по специальному полномочию выполняющее организационно-распорядительные или административно-хозяйственные функции в этих организациях» [УК РФ; Федеральный закон от 25.12.2008 N 273-ФЗ].

[2].Верховный суд составил свой рейтинг коррупционеров по итогам приговоров 2008 г. Данные озвучены главой Верховного суда РФ В. Лебедевым на совещании-семинаре председателей областных, краевых, республиканских и иных судов. Всего осуждено 1300 взяточников. Из них каждый пятый — женщина. «Рейтинг» взяточников: 1) 31 % осужденных — работники милиции; 2) 20,3 % — работники учреждений здравоохранения; 3) 12 % — преподаватели; 4) 9 % — муниципальные служащие; 5) 2,5 % — сотрудники службы исполнения наказания; 6) 2 % — таможенники. Ни одного государственного служащего [Верховный суд опубликовал «рейтинг взяточников»].

[3].В связи с этим вспоминается следующий анекдот: «Что общего у коррупционеров — государственного чиновника и школьного учителя? — „Рублевка!“ — „Почему?“ — „Первые живут на Рублевке, а вторые — на рублевку“».

[4].Кроме того, в подпунктах 1 и 2 п. 1 статьи названы дарители: малолетние и недееспособные, работники образовательных и медицинских организаций, организаций, оказывающих социальные услуги, и аналогичных организаций, в том числе для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, граждан, находящихся в них на лечении, содержании или воспитании, супругов и родственников этих граждан.

[5].Цитируем: «Запрет на дарение лицам, замещающим государственные должности Российской Федерации, государственные должности субъектов Российской Федерации, муниципальные должности, государственным служащим, муниципальным служащим, служащим Банка России, установленный пунктом 1 настоящей статьи, не распространяется на случаи дарения в связи с протокольными мероприятиями, служебными командировками и другими официальными мероприятиями».

ЛИТЕРАТУРА

1. *Верховный суд* опубликовал «рейтинг взяточников» // Management of Communications : журн. о Public Relations. 2009. 31 янв. URL: <http://www.man-com.biz/novosti/novosti-rossiyskogo-pr/verho-vniy-sud-opublikoval-reyting-vzyatochnikov.html>.

2. *Гражданский кодекс* Российской Федерации (часть первая) = ГК РФ, 1 : от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 02.11.2013) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 13.03.2012).

3. *Гражданский кодекс* Российской Федерации (часть вторая) = ГК РФ, 2 : от 26.01.1996 № 14-ФЗ : ред. от 28.12.2013 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 13.03.2012).

4. *Морозов Г. Б.* Как слово в деле отзовется? (о дефинитивных пробелах норм российского материального права) // Юрист. 2004. № 11. С. 60—63.

5. *Морозов Г. Б.* Как слово в «деле» отзовется? (о юридических дефектах толкования терминов экологического законодательства) // Проблемы региональной экологии. 2011а. № 3.

6. *Морозов Г. Б.* «Как слово в деле отзовется»: о дефектах толкования норм экологического законодательства России // Вестн. Междунар. акад. наук (русская секция). 2011б. Спец. вып. : Материалы междунар. конф. «Экология человека: здоровье,

культура и качество жизни» (26—27 окт. 2011 г.). С. 160—163.

7. *Словарь Ожегова*. URL: <http://www.ozhegov.org/index.shtml>.

8. *Трудовой кодекс* Российской Федерации = ТК РФ : от 30.12.2001 № 197-ФЗ : ред. от 28.12.2013 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 13.03.2012).

9. *Уголовный кодекс* Российской Федерации = УК РФ : от 13.06.1996 № 63-ФЗ : ред. от 03.02.2014 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 13.03.2012).

10. *Указ Президента РФ* от 13.03.2012 № 297 «Национальный план противодействия коррупции на 2010—2011 годы» : ред. от 19.03.2013 : Утвержден Президентом Российской Федерации 31.07.2008 г., Пр-1568 (в ред. Указов Президента РФ от 13.04.2010 № 460, от 14.01.2011 № 38) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 13.03.2012).

11. *Федеральный закон* от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» : ред. от 28.12.2013 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 13.03.2012).

Статью рекомендует к публикации канд. филол. наук, доц. М. Б. Ворошилова.